Алексей Бербут

Алексей Бёрбут

Атаман

«Автор»
2026

Бёрбут А.

Атаман / А. Бёрбут — «Автор», 2026

Жестокий атаман, уставший жить в бегах, берёт Сибирь для царя, спасая её от купцов-волков, и слишком поздно понимает, что привёл на землю саранчу. Он гибнет, а власть делает из него икону, стирая живого человека.

© Бёрбут А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Бёрбут
Атаман

Глава 1

Гриня был счастлив. Насад шёл вверх по Волге третью неделю. Большая река не любит, когда кто-то ходит против течения и всем, кто это делал, это быстро объясняла. Когда дул ветер, мужики ставили парус, и тяжёлое, плоскодонное судно, подставляя осеннему солнцу наращённые борта, ползло по воде, как боярская вдова по церковному двору. Когда ветра не было, садились на вёсла, а то и вовсе вылезали на берег, впрягались в лямки и тащили посудину бечевой. Удачей было если рядом была деревня. Тогда можно было нанять мужиков, а не тащить насад самим.

Гриня однажды попробовал помочь взрослым и тут же пожалел об этом. Хватило его только шагов на сто. Волжский берег с корабля, казавшийся ровным лугом, был покрыт ямками, кочками и даже просто ходьба по нему была мучением. А уж когда ещё и верёвка больно режет грудь — это слишком.

Осень уже хозяйничала вовсю. Тальник пожелтел, на откосах краснел шиповник, а по утрам над водой стоял такой туман, что кормщик не видел собственного носа, не говоря уж о носе судна. В такие часы пережидали у берега.

Сегодня Гриня спокойно сидел прислонившись к высоким дополнительным доскам борта и слушал, как плещет вода реки. Оттого такие суда и звали насадами: борта у них «насаживали» досками повыше, чтобы груз не заливало. А напротив, на палубе сидел по-турецки отец. Широкий, спокойный, с аккуратно подстриженной бородой. На нём был добротный, но не вычурный кафтан, а на поясе кошель и нож в простых ножнах, без серебра и камней. Отец считал, что богатство надо держать в товаре, а не на себе. Людей, обвешанных золотом, отец презирал. Такого любой разбойник заметит издалека. А то, что лежит у тебя в трюме, никому не видно.

Отец был для Грини всем. Мать Гриня не помнил, она умерла, едва он родился, бабок и дедов тоже не осталось. Не было у Грини ни дядьёв, ни тёток, которые заглянули бы на Пасху. В жизни маленькой семьи был только дом, лавка, да нянька, толстая, добрая, пахнувшая луком, но чужая. Когда отец уезжал, дом пустел. Когда возвращался, снова становился домом.

Почему так вышло, Гриня знал из рассказов отца. Отец часто рассказывал о деде. Как говорят о человеке, которого уже нет, но который как будто всё ещё сидит в углу комнаты.

Семья Грини была из Великого Новгорода. Прадеда вывели оттуда мальчишкой, вместе с отцом и матерью, когда Иван III решил, что слишком уж вольные новгородцы Москве ни к чему. Их привезли в Нижний, где никто не знал, что их род торговал с немцами ещё при вечевом колоколе. Из Новгорода Великого в Новгород Нижний. «Нас спустили», - сказал прадед. Шутка была невесёлая, но передавалась из поколения в поколение, как фамильное серебро.

Обиду прадед хранил всю жизнь и передал своему сыну. Дед Грини родился уже в Нижнем, но ещё говорил свободно по-немецки и по-польски, как велось в старых торговых новгородских семьях.

Когда на торгу появлялся заезжий немец, дед шёл знакомиться. Москву дед ненавидел люто, как ненавидят вора и непогоду.

— Даже ветер со стороны Москвы смердит, — любил говарить он. Ездить на московские торги дед не хотел, и даже когда в лавку заходил московский купец, дед отказывался вести с ним дела. Но, зато, когда Астрахань стала московской и открылся путь на юг, дед первым из нижегородцев начал ходить в Персию.

Сына, будущего отца Грини, он оставлял дома, при лавке и счётной книге. Мальчишке было всего шестнадцать, но считал он уже быстрее приказчиков.

Дед ездил в Персию трижды, и на третий раз не вернулся.

Весть пришла только следующим летом. Её привёз армянский купец, который сам знал немного: ночь, караван-сарай, а наутро русского нашли с перерезанным горлом, без товара и кошеля. Кто это сделал, так и не выяснили. Всю жизнь нижегородцы боялись волжских воров, а деда зарезали там, где он считал себя среди друзей. За морем, у людей, с которыми он уже дважды пил шербет.

Когда новость о гибели деда разлетелась, новгородское купечество махнуло на семью рукой. Все ждали, что мальчишка прогорит. Думали к зиме продаст лавку. Он отец Грини не прогорел. Он распродал, что мог чтобы расплатиться с долгами, спал по четыре часа, но к двадцати годам поехал в Персию сам. А потом сделал то, чего дед никогда бы не простил: наладил торговлю с Москвой. Сын понял то, чего не хотел понимать старик: теперь Москва лучше платит. Зачем нижегородскому купцу немецкий и польский отец Грини не понимал, зато где выгода — понял твёрдо. В новые времена надо жить по-новому.

Женился отец поздно, на тихой девушке, которая умерла первыми же родами. Второй раз женится в таком возрасте он уже не захотел и всю нерастраченную любовь посвятил Грине.

В Персию он теперь ездил регулярно, но каждый раз, собираясь в дорогу, долго стоял на пороге, не решаясь выйти. Однажды Гриня даже услышал как отец говорил слуге что больше всего боится не вернуться и оставить сына одного.

Поэтому когда Грине исполнилось десять, отец решил — хватит. Мальчик не должен остаться один, как когда-то остался он сам. И пусть знает товар, дорогу, людей. Пусть учится.

Так он и оказался на отцовском насаде.

Весной они вышли по большой воде и в Астрахани пересели на морское судно, потому что по морю насады не ходят. Гриня никогда не видел моря и думал, что оно как Волга, только шире. Но всё оказалось иначе.

На третий день пропал берег. Вода стала серой, потом синей, а потом такого цвета какого Гриня ещё никогда не видел. Корабль качало, Гриню тошнило, но с палубы он не уходил. Кричали чайки, ветер пах солью, а отец сидел рядом и делал вид, что всё в порядке.

Персия встретила непривычной жарой. В Нижнем такой никогда не бывает, даже в июльский полдень: она стояла в воздухе, будто стена. На базаре у Грини закружилась голова от нового. Сушёные абрикосы, инжир, розовая вода, жареный лук, верблюжья шерсть, пряности. Каждый товар жил на своей улице: сукно отдельно, ковры отдельно, серебро отдельно. Базар словно шёл строем.

Торговались не спеша, с угощением, и спор больше походил на беседу. Каждое утро над городом разносился протяжный напев.

— Это местные попы народ молится зовут, — объяснил отец.

У персов дела были плохи. Шла какая-то война. Турки брали у шаха город за городом, на дорогах было неспокойно, цены росли, и отец всё время оглядывался, опасаясь воров.

Ткани они покупали у местного купца по имени Ахмед. Сухой, высохший старик с руками, как у резчика по кости, и хитрыми глазами, которые казалось видели, сколько ты готов заплатить, раньше, чем ты сам это понимал. Ахмед совал Грине сладости и льстил, называя «маленький купец. Отец торговался с ним полдня. Потом они пожали друг другу руки, и Ахмед приказал слугам отнести товар на корабль.

Обратно возвращались поздно. Лето закончилось, в Астрахани каждую неделю прибавлялось вестей о заморозках, и отец считал дни по пальцам.

— Если до льда не доберёмся, - говорил он кормщику. — Застрянем под Казанью и придётся зимовать. С товаром и с мальчишкой.

Кормщик, старый и седой, пожимал плечами. Он знал, что река не спрашивает, куда торопится человек. Одно слово: Волга.

Но Гриня всё равно был счастлив. Он видел море, видел страну, где люди говорят и молятся иначе, и теперь вместе с отцом возвращался домой.

В полдень, когда туман наконец ушёл и впервые за три дня вышло солнце, сделали привал. Староста, который поручился за мужиков, не соврал: люди оказались работящие. На привале они расселись у костра, варили кашу с салом, резали ржаной хлеб. Харч по обычаю шёл хозяйский, и отец, хоть и считал каждый грош, но на еде для работников не экономил. Сам он сел на бревно у отдельного костра, посматривая на небо. Потом вдруг встал и пошёл на корабль.

Вернувшись отец положил перед Гриней кусок красной кожи

— Что за товар?

Гриня взял кожу, согнул её пополам и провёл пальцами по поверхности.

— Кожа.

— Это и так понятно, — рассмеялся отец, — а какая?

— Мягкая.

Отец вздохнул так, как вздыхают люди, которым предстоит долгая работа.

— Это сафьян. Козлиная кожа. Красят в красное, зелёное, жёлтое. Она не мнётся, не треснет на морозе, и цвет годами держать будет. Это на башмак, кошель, на книгу. За неё денег не пожалеют.

Потом отец положил рядом второй кусок кожи. Толстый, тёмный, с резким дегтярным запахом. Гриня провёл по нему ногтем. От ногтя остался белёсый след.

— Это юфть?

Отец улыбнулся.

— Верно, юфть. Это сапог, ремень, сбруя. Тут красота не главное. Важно, чтоб вода не брала, да на морозе не дубела.

Отец согнул кусок юфти и отпустил. Кожа послушно распрямилась.

— Запомни: товар мало увидеть, его почувствовать надо. Глаз обманет. Лавочник тебе покажет красивое, а внутри гниль. Сначала потрогай, понюхай, а уж потом на цену смотри.

— А если он обидится?

— Лавочник? Обидится — значит, дурак.

Отец убрал обе кожи и достал свёрток тёмно-синего сукна. Развернул, разгладил ладонью. Руки у него вдруг стали бережными.

А это сукно. Кафтан из такого и ветер держит и носится долго.

— Дорогое?

Отец пренебрежительно махнул рукой.

— Простое. Дорогой товар особого ухода требует.

Отец посмотрел на Гриню с сомнением, а потом встал и снова поднялся на насад. Возвращаясь он принес деревянный ларец, который Гриня видел у отца на полке над лавкой. Отец отпер ключом замочек и поднял крышку. Внутри лежали небольшие свёртки, каждый в тонком полотне. От них приятно пахло сухими травами, которые кладут от моли.

Отец выбрал один из свертков и осторожно развернул. Гриня замер. Внутри оказалась тонкая, гладкая ткань глубокого бордового цвета, густого, как вино. Не блестящая, а тёмная и мягкая, словно впитывающая свет. И в этот цвет были вплетены тонкие серебряные нити, такие тонкие, что их и не сразу заметишь. Они шли узором из длинных листьев и птиц с изогнутыми шеями.

— Это что? — восторженно вздохнул Гриня.

— Это объярь. Особый персидский шёлк. - Отец понизил голос. – Его из Шемахи везут.

Он расправил ткань и дал сыну потрогать.

— Только осторожно! Не тяни. Нить порвёшь, и всё.

Гриня взялся за край двумя пальцами. Ткань была такая гладкая, что почти не чувствовалась. Будто держишь не материю, а летний ветер.

Отец поднял свёрток к свету. Солнечный луч лёг на шёлк, и серебряные нити вспыхнули. Искры побежали по узору, и птицы будто шевельнули крыльями. Отец чуть повернул руку, и блеск погас, остался только густой тёмный бордовый цвет. Повернул ещё раз, и свет опять пробежал по ткани.

— Вот это по-настоящему дорого, - сказал отец тихо. - Боярыне на летник, а то и выше. За один такой отрез в Москве дом поставить можно.

— Эка, дом! - сказал кто-то у большого костра и засмеялся.

Отец сразу будто опомнился. Он быстро завернул шёлк, уложил в ларец, запер его и спрятал. Стало совсем тихо. Только потрескивал костёр и где-то далеко кричала волжская чайка.

Отец обеспокоенно обвёл взглядом лица мужиков. Но лица были как лица. Усталые, обветренные, равнодушные. Работники жевали, смотря в свои миски. Купец недовольно поёрзал на бревне, но успокоился. Ему даже стало немного стыдно за свою чрезмерную осторожность. А ещё через час мужики снова впряглись в лямки, и насад пополз дальше.